

ЗЯБЛИКИ – ПТИЧКИ НЕБЕСНЫЕ

Рассказ

*На ветру не зябнет зяблик,
Лишь качается слегка
Вместе с веткой, как кораблик,
Что приплыл издалека...
Как я рад весенней птахе
И тому, что дал Господь
Скорби все мои и страхи
Этой крохе побороть...*

Геннадий Толин

Сейчас часто многими авторами в анализе литературных текстов и разного рода событий упоминается известная пушкинская цитата из его черновых заметок о поэме «Граф Нулин»: «Бывают странные сближения...». Благодаря таким «сближениям» даже не столько по времени, а по существу и факту, у меня за наблюдением над пернатыми насельниками моего дачного участка возник небольшой рассказ, которым я и хочу поделиться с читателями.

МОИ ПЕВЧИЕ САДОВЫЕ ЗЯБЛИКИ

Наша дача – на опушке соснового леса. Чуть поодаль – песчаный склон, и там ласточки любят гнездиться. В этом году на даче как никогда было много птиц. И дрозды полюбили у нас клевать ягоды. Даже черноплодку мы не всю собирали, для дроздов часть оставляли. Пеночки, трясогузки, синички, иволги – мы уже знали «своих» пернатых и развешивали кормушки на деревьях. Птички с удивлением на нас поглядывали, предпочитая склёвывать червячков и комаров с земли, с травы: мол, это же не город, есть чем прокормиться. Порхали весело над яблонями, потом рассаживались на жасмине и весело щебетали: лето!!!

Соловьи нам часами пели по весне, но их мы редко видели, оперение у соловьёв невидное, скромное. И сами они предпочитают оставаться в тени. Но – пение! Об этом много сказано-написано!

Птицы, как люди: если они самые горластые и мельтешащие, это вовсе не означает, что и самые талантливые, самые хорошие, самые-самые-пресамые... А тут появились незнакомые птицы – небольшие, юркие, грудки розовые, нежного окраса, с серой «опушкой», щебечут громко, но коротко. Пропели песенку – и нет их... Полистав подарочную книгу, справочник о пернатых, разыскала наших «незнакомцев». Это – зяблики! Вот вы кто, птички-невелички!

И вспомнилась невольно удивительная история, рассказанная мне в детстве папой. История про медсестру, лейтенанта Зябликову, которую папины однополчане ласково звали Зябликом...

ЛЕЙТЕНАНТ ЗЯБЛИКОВА

Историю эту мне рассказал мой папа, фронтовик, прошедший войну с начала её и до конца. Не знаю, чем это объяснить, но люди, прошедшие войну, не любили о том распространяться, а может, просто щадили нашу, тогда ещё юную, психику.

Надо сказать, что мой папа, как мало кто, любил всё живое, всю Божью тварь, населяющую наш мир, потому и профессию выбрал такую, облегчающую страдания бессловесной твари – ветеринар. До самой своей пенсии проработал ветеринаром. Из животного мира папа особенно любил лошадей, а из мира человеческого – хрупких самоуглублённых людей – «ботаников», как бы сказали сейчас, не умеющих, вроде бы, и за себя постоять. И не случайно, видимо, всё же он решил рассказать мне следующий краткий эпизод войны, соединивший в себе и самоотверженность, и жалость, и что-то ещё, лежащее за гранью плоского земного «ремудрого» существования.

Папа в своём подразделении как профессиональный ветеринар, досконально разбирающийся в лошадях, был к ним и приставлен, за них и отвечал. Ведь без лошадок – этих безотказных тружеников фронта, война, особенно её начало, была бы гораздо драматичней, и все, особенно ездвые, об этом хорошо знают... Была у них в подразделении невзрачная худенькая медсестра, приходящая подкармливать лошадей в свободное от службы время, вечером. Маленького роста, скромного обличья. Внешне было в ней что-то птичье, пожалуй, даже зябличье, – а как было не иззябнуть слабой и незащитной девушке, почти что девочке, на ледяном ветру безжалостной войны? Зяблик – так ласково и звали её все в полку с лёгкой руки ротного балагура и красавца Самсона, не обделявшего её своим вниманием, не переходившим, впрочем, границы дозволенного.

Спешит, например, к своим раненым на перевязку Зяблик, а на встречу Самсон с переписанными откуда-то стихами Есенина:

*Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?*

Зардеется Зяблик и старается как можно быстрее проскочить мимо столь галантного ухажёра.

Частенько, но беззлобно дразнил он медсестричку за частые слёзы. Принесёт она своим подопечным лошадам кусочки свеколки, морковки, сухарики, и пока те благосклонно гостинцы схрумкивают, что-то им тихонько наговаривает и плачет тоже тихонько.

Эх, Самсон, если знал бы ты, что слёзы – это свидетельство чистой живой души, – осторожнее был бы со своими шутками...

Но, может быть, всё было и так, как сказано у одного поэта:

*Две горьких и изломанных души
Неровные края свои сближали...*

Что уж там у неё случилось, какая беда, в это Зяблик никого не посвящала. Покормит лошадку – и к себе, в медсанчасть.

Не только простенькой внешностью, но и поведением Зяблик не выделялась. Была неприметна, может, даже смиренна, если уместно здесь это слово; звёзд с неба не хватала, значительных наград не имела, да и в силу маленького роста и физической слабости раненых с поля боя вытаскивала редко. Но уж в санчасти трудилась, конечно, как и все, не покладая рук... И жалел эту сестричку, этого Зяблика, как всем казалось поначалу, пожалуй, только конь, которого звали по-трагикомическому совпадению тоже, как и её обожателя и обидчика, Самсоном. Вот покормит девушка Самсона, завсхлипывает, конь замрёт, даже ушами

не прядёт, мордой своей лошадиной к щеке зябликовской прижмётся. Жалеет.

Но неисповедимы пути Господни, тем более на войне, и попал в медсанчасть с ранением наш однополчанин, богатырь Самсон. А надо сказать, что был он хорошим солдатом, отличным сапёром, много жизней спасли его личное мужество, сноровка и смекалка. Но всё же, однажды обошла его военная удача...

Так вот. Перевязывает его после операции медсестра Зяблик, а он терпит: зубами скрипит, а терпит. Вспомнил, наверное, как за слёзы поддразнивал сестричку. А та молча, спокойно свою работу делает. Перевязали Самсона, понесли на носилках в машину для отправки в госпиталь и вдруг хлынул такой чудовищный ливень, что не видящая от печали белого света Зяблик, сопровождавшая раненого, сдёрнула с себя плащ-палатку и стонущего Самсона стала укрывать ею. И такая задача: война – дело опасное и непредсказуемое, события происходили не в тылу, в прифронтовой зоне, осколком разорвавшегося вблизи снаряда её задело, пока она нагибалась над раненым.

Не получилось ли так, что закрывая Самсона от дождя, Зяблик спасла его и от верной смерти?..

Без сознания была Зяблик, много крови потеряла, отправили её той же машиной, что и Самсона, в госпиталь. Провожаящие вспоминали, что взрослые мужики, оказывавшие ей первую помощь, едва сдерживали слёзы.

...Осталась ли медсестра жива? Об этом папа так и не узнал. Даже имени её не запомнил. Через неделю он получил ранение и сам попал в госпиталь. Но запомнил, что фамилия медсестры была Зябликова. Лейтенант Зябликова. И ещё вспоминал, что все раненые солдаты звали её ласково Зябликом.

* * *

Теперь, прожив уже немалую жизнь, с высоты своего возраста ясно вижу, что в жизни нет ничего случайного и маловажного, даже если оно кому-то на первый взгляд может и показаться маловажным и странным. В этом меня лишний раз убеждают недавно прочитанные строки замечательного православного писателя Александра Ракова: «Один только Бог знает связь причин и событий».

А нам остаётся лишь благодарно склониться перед Его святой волей.

ДЯДЯ ПЕТЯ

Рассказ

Город детства. Далёкое время, когда мир казался прочным и незыблемым, а все люди добрыми и бессмертными.

Мир, увиденный широко открытыми детскими глазами...

* * *

Снег в марте не выпадал. Ну, почти совсем... Его и зимой-то не особо много видели! Вот в тот бесснежный март мы частенько и собирались вечерами на лавочке у подъезда. Вовка Евграфов, Люба Рыжая и я – все учились в одном классе, пятом «А», и жили в одном подъезде стандартной девятиэтажки. А ещё мы вместе ходили в лыжную секцию. В неё нас зазвал-заманил учитель физкультуры Николай Иванович. Ему надоели постоянные побеги учеников с уроков. Вот благодаря физруку я и полюбила лыжи! Да и по физкультуре вытянула отметку на крепкую четвёрку.

Но когда снега нет – как кататься? Вот и просиживали свободное время у телевизоров. Когда приходили родители с работы и прогоняли

нас, непутёвых чад, от телеков – то выходили во двор и рассаживались на лавочке. У нас было в то время такое поветрие – все хотели научиться играть на гитаре.

На первом этаже жил дядя Петя. Если он находился в хорошем настроении, то выходил с гитарой, в своей неизменной тельняшке, и устраивал всем желающим мастер-класс. Не поверите, но все ребята с нашего двора научились, пусть и простенько, но вполне сносно бренчать на трёх аккордах. А нам с Любой родители даже купили гитары. Я потом свою гитару Евграфову подарила, когда расхотелось учиться. Сейчас, спустя годы, благодарно поражаюсь терпению жителей тех квартир, окна которых выходили на нашу «музыкальную» лавочку!..

Как-то раз к дому подъехал огромный фургон, и рабочие в спецовках стали разгружать мебель. Вместо нашей добросердечной Веры Ивановны, уехавшей к сыну в Севастополь, в доме поселилась модная молодая женщина.

– Леонелла, – так кокетливо представилась она нам и дяде Пете, который не только был нашим соседом, но и последние годы после увольнения в запас с военной службы, о которой никогда не распространялся, – бессменным дежурным (консьержем) в нашем подъезде. Тогда эти дежурные только появлялись в округе... Нам Леонелла понравилась: красивая, высокая, она, возвращаясь с работы, иногда даже подпевала дяде Пете... Но как говорится – «новое не всегда лучшее». Ссоры начались через несколько недель. У Леонеллы, оказывается, был свой пунктик – ей не нравилось, что дядя Петя кормил у подъезда птиц. Они слетались со всей округи на хлебные крошки. Раньше с жильцами из-за этого никаких ссор не возникало. Ведь дядя Петя брал шланг у дворника Мурата и тщательно смывал последствия птичьего пиршества. Бывало, после изучения новых аккордов и мы в этом помогали. Да и Мурат – сначала усмехался на причуду жильца часами кормить птиц, но вскоре сам влился в дружную компанию и в любую свободную минуту присаживался к нам на лавочку и пел грустную песню про далекую возлюбленную Изабель.

И тут вдруг новая соседка объявила непримиримую войну птицам, а значит – и дяде Пете. Однажды мы увидели нашего учителя на стремянке, моющего окно строптивой соседки.

– Чего не сделаешь ради пернатых... – кратко, без эмоций прокомментировал дядя Петя.

Как позже выяснилось, Леонелла пожаловалась в домоуправление: мол, прикормленные дядей Петей птицы пачкают подоконник.

Но и этого Леонелле показалось мало. Один раз во время нашего концерта она, открыв окно, выставила магнитофон на подоконник и включила его на полную мощность. Мол, мало птиц, так он всю ребятню под крыло собирает. В другой раз, как самый настоящий пират, она гитариста без припасов оставила... А дело было так. В то время из-за «внезапно» напавшей на страну перестройки в магазинах случались перебои с продуктами, например, вдруг на какое-то время пропали из продажи соль и мыло. Некоторые стали закупаться впрок, создавая ненужный ажиотаж. А дядя Петя и в ус не дул! Припасы не делал, в очередях не стоял: сидел на лавочке и веселенным солнцем наслаждался. Он много лет жил со старенькой мамой, пережившей военные тяготы, потому и сделавшей внушительные запасы и соли, и мыла. И много чего ещё... «Мало ли что...» – рассуждала эта немолодая и очень достойная женщина.

Так вот, после смерти мамы дядя Петя раздавал всем на память кусочки ароматного туалетного мыла. Что было – то и раздавал. А соляных запасов – так вообще после мамы много оставалось. Поэтому пока магазины разбирались со сложившимся немудрёным дефицитом, дядя Петя делился с каждым соседом, кто попросит.

И бойкая Леонелла тоже, видимо, обратилась с просьбой. Он, добрая душа, пустил козу в свой соляной «огород». Вечером, сварив картошки,

Петя обнаружил, что солонка пуста. Полез в свой пятикилограммовый жбанчик. Тоже пуст! Но дядя Пётр не растерялся – картошку съел с солёным огурцом. А вечером попросил ребят со двора купить ему, при случае, утащенные Леонеллой «дефициты». Ведь ушла соседка и всё оставшееся мыло из дома прихватила – вот какая припасливая и хозяйственная!

– А что? Сам разрешил взять сколько нужно. А мне нужно много! Всё законно. Лоха, как говорится, «грех не обуть», – так Леонелла объяснила соседям своё пиратство.

Вечером дядя Петя, как всегда бодрый и весёлый, в неизменной тельняшке, сидел на лавочке с гитарой. Мы около него со своими гитарами толпились. Тротуар был помыт. Мы ждали мастер-класса. Леонелла не выходила, может, капелька совести терзала.

Телефон прервал нашу музыкальную репетицию. Звонил товарищ дяди Пети, друг молодости и военной службы, мол, на машине еду мимо, ни прихватить ли чего в связи с надвигающимся возможным дефицитом? Петя, подмигнув нам, весело так попросил соли и мыла. Мы дружно замахали руками и закричали, чтобы тот заказал икры, вина и сыра, мы знали, что товарищ Пети не беден (недаром же высокий пост занимает!) и щедр. Его редкая по тем временам иномарка по праздникам частенько притормаживала у нашего подъезда с гостинцами...

Но дядя Петя и слушать нас не стал:

– Соли и мыла. Больше ничего не надо.

Дядя Петя ещё не знал, что мы, рассказав родителям историю про экспроприацию соляных запасов, собрали с ними вместе «перестроечный» набор – где было много соли, мыла и всего другого-разного – и собирались сегодня вечером вручить «дефицит». Хотели сделать сюрприз своему учителю...

Через часик примерно подъехала серебристая машина – и из неё сначала показались коробки, которые мы с восторгом принялись разгружать, а потом и сам двухметровый силач с сумкой на плече.

– Там разная соль – и морская, и с зеленью. И для засолки и так просто, ну и мыла запасец, – широко улыбнулся Петин друг. – А это, – он небрежно указал на огромную сумку, висевшую у него на плече, – всякие вкусности для будущего праздника, когда всем миром соберёмся. Твои ученики, молодцы, подсказали. Я услышал их совет. У меня знаешь, какая мощная интуиция? – И для убедительности дурашливо хлопнул по своей тельняшке, точно такой же, как у дяди Пети.

На растерянные возражения дяди Пети его друг только отмахнулся:

– Твоё любимое присловье какое? «Да не оскудеет рука дающего... да не отсохнет рука берущего»...

Мы притихли. Что-то происходило на наших глазах чудесное. Какой-то кругооборот добра в природе. Мы подняли глаза вверх и увидели в окнах наших родителей, с улыбкой наблюдавших за происходящим. Леонелла тоже таращилась из-за занавески на встречу друзей. Нам показалось, что она всхлипывала. Но никому не было до неё дела.

А друзья, занося продукты в подъезд, не сговариваясь, всё-таки посмотрели на её окно. И Пётр раздумчиво протянул:

– А глаза-то, оказывается, у Леонеллы зелёные-презелёные, когда она в слезах. Таким зелёным я видел только Баренцево море после шторма...

* * *

Теперь, по прошествии такой немислимой толщи времени, вижу, что и мир оказался не таким прочным и незыблемым, как виделся нам в детстве. И люди, покорные общему закону, оказались смертными, но всё-таки так отрадно опираться на незримую руку, ведущую нас по жизни.